

— Отец, не думай искать оправдания. Я слышал это собственными ушами. До этого был еще один раз! — у Дава было серьезное выражение лица.

Саньва просто слез с кана и схватил Чжоу Цинбая за ноги. Он ударил несколько раз со всей силы, а затем повернулся к матери:

— Бей сейчас.

Поначалу Линь Цинхэ была потрясена.

Разве может быть что-то более постыдное, чем ночные развлечения их пары, которые заметили эти маленькие проказники?

Но, видя, что трое сыновей так защищают ее, она почувствовала боль в сердце. Затем растрогалась.

Линь Цинхэ подошла к Саньва, обняла его и посмотрела на Чжоу Цинбая.

Чжоу Цинбай наконец понял что произошло, и ему тоже захотелось рассмеяться. Он думал, что Дава забыл о произошедшем ночью, но тот оказывается все прекрасно помнил.

Прошлой ночью мальчик также подслушал их разговор.

Линь Цинхэ не нужно было, чтобы он говорил, она объяснила Дава, Эрва и Саньва, который был у нее на руках:

— Ваш отец не бил меня.

— Как это возможно? — Дава не верил в это.

В то время ему очень хотелось встать и помочь матери, но в юном возрасте он был бессилен. Он просто слишком хотел спать и не мог встать.

— Мама, ты не помогай отцу скрывать это. Мы не простим преступления отца! — Эрва все не отступал.

— Бей в ответ! — Саньва был у матери на руках, и махал маленьким детским кулачком в знак предупреждения своему отцу.

— Это правда. Это не твой отец бил меня, это маме приснился кошмар, — сказала Линь Цинхэ:
— Маме приснился кошмар, и она разбудила Дава. Вы двое малышей все еще спали, как

свиньи. Твой отец тоже проснулся и утешал меня.

Это объяснение выглядело очень правдиво.

Дава немного поверил, а Эрва был озадачен.

«Что такое кошмар?»

Он всегда спал до рассвета. Кроме того, что он ходил в туалет посреди ночи, ему ничего не снилось.

Дава объяснил ему:

— Кошмар — это плохой сон.

— А тебе когда-нибудь снился такой сон, старший брат? — спросил его Эрва.

— Снилось. Мне приснилось, что моего рысенка съел Ган Тэ, которого ты привел домой. Я был так зол, что пнул его ногой в воду. Потом я проснулся от испуга, — ответил Дава.

— Разве это не утопление? — сказал Эрва с расширенными глазами.

— Полная ерунда. В первый месяц не разрешается говорить глупости, — вмешалась Линь Цинхэ.

Но после такого вмешательства трое братьев все поняли. Оказалось, что это не отец бил мать, а матери стало страшно, и отец ее успокаивал.

— Это очень неловко. Вам запрещено выходить на улицу и говорить об этом, иначе, если я поймаю хоть одно слово, все закуски будут запрещены в будущем. Я могу оставить свои слова при себе, — Линь Цинхэ бросила на Дава и Эрва предупреждающий взгляд.

Дава и Эрва пообещали, и это ее успокоило. Они точно не будут рассказывать историю о том, как мать плакала от кошмара, а отец утешал ее.

— Видя, какие вы хорошие, я награжу каждого из вас новым комплектом одежды, — заявила Линь Цинхэ.

— Хе-хе, мать подкупает нас? — засмеялся Дава.

Линь Цинхэ улыбнулась, и ей захотелось ударить его. Этот ребенок знал, как использовать слово «взятка!»

На этом дело было закончено.

Пока дети играли, Линь Цинхэ предупредила Чжоу Цинбая:

— Если в следующий раз так сделаешь, пойдешь спать один!

— Но тебе это тоже нравится, — честно ответил Чжоу Цинбай.

Когда она обнимала его, это было так крепко. Она также с энтузиазмом сотрудничала с ним, как будто хотела выжать его досуха.

Линь Цинхэ покраснела:

— В будущем это запрещено.

Чжоу Цинбай обратил свое внимание на одежду в ее руке:

— Можешь сшить себе и детям. У меня достаточно.

— Еще нужно сделать запасной комплект для тебя, чтобы ты мог переодеться, — сказала Линь Цинхэ.

Имея доход от свинины, она не хотела, чтобы ее семья испытывала какие-либо неудобства.

Через месяц ее доход от свинины стал больше, чем зарплата у Су Далиня, так как цена свинины на черном рынке выросла. Цена выросла почти на два цзяо за фунт.

Начиная с этого года, Линь Цинхэ планировала закупать дополнительное зерно у команды во время раздачи еды и относить его на черный рынок, чтобы заработать на разнице в цене.

Прибыль от этого была значительной. Единовременной прибыли было достаточно, чтобы заработать две-три месячные зарплаты.

С ее внутренним пространством она была действительно искусна в этом деле.

Линь Цинхэ принесла одежду в дом старого Чжоу, чтобы обработать ее на швейной машине.

Затем она поболтала с третьей невесткой о плане Чжоу Сяомэй отдать ребенка на воспитание матери Чжоу.

— Сяомэй сказала, что когда третья невестка будет находиться на послеродовом лечении, она может прислать вам несколько полезных вещей для послеродового периода. Она надеется, что когда ребенка отправят сюда, ты сможешь ей кормить ребенка грудью, — объяснила Линь Цинхэ третьей невестке.

Третья невестка не возражала, и, как и ожидалось, была рада. Она понизила голос и спросила.

— А как насчет второй невестки?

— А при чем тут она? — остановилась Линь Цинхэ.

Она все еще не слышала новости о том, что вторая невестка беременна.

В этот первый месяц было еще очень холодно, и она практически сидела дома. Максимум — болтала с соседкой, госпожой Хуан, или ходила к Чжоу Дуну и Чжоу Си.

Поскольку вторая невестка жила в доме старого Чжоу, Линь Цинхэ редко заходила к ней, поэтому не знала новостей.

Видя, что Линь Цинхэ еще не знает, третья невестка рассказала ей.

У Линь Цинхэ дернулся уголок рта. Она потеряла дар речи.

— Она — это она, ты — это ты. Когда Сяомэй выходила замуж, вторая невестка не захотела подарить ни одного орешка. Сяомэй не будет с ней сотрудничать, — сказала Линь Цинхэ, а затем посмотрела на третью невестку: — А что думает третья невестка?

— Когда в следующий раз поедешь в уездный город, скажи сестре, что я позабочусь об этом вопросе, — усмехнулась третья невестка.

Третья невестка и сама понимала, что из-за поведения второй невестки, Чжоу Сяомэй не доверит ей ребенка. Но с другой стороны, почему она сама должна отказываться от чего-то хорошего, только ради второй невестки?

Третья невестка прекрасно помнила, что когда она родила Уни, а Чжоу Дундун еще не родился, вторая невестка в частном порядке и открыто срывалась на ней. Она обращалась с ней так, будто та больше никогда не сможет родить.

Надо сказать, что никакой несправедливости между двумя невестками не было, просто обида.

Но, в конце концов, все они жили под одной крышей, поэтому с некоторыми вещами приходилось мириться. Однако невозможно было отказаться от вещей, которые золовка Чжоу Сяомэй предлагала для ее послеродового периода, в обмен на заботу о чувствах второй невестки.

Линь Цинхэ засияла и согласилась.

— Как учеба Дава? — спросила третья невестка.

— Совсем неплохо. Каждый раз он приносит по сто баллов. Он заранее выучил и запомнил второй класс, а в следующем году планирует перейти в третий, — сказала Линь Цинхэ.

— Поступить в третий класс в таком юном возрасте? — третья невестка была в изумлении: — Над ним не будут издеваться?

— Будет хорошо, если он сам не будет задирать людей, — усмехнулась Линь Цинхэ.

Дава был довольно крупным, хотя ему было только семь лет, потому что и сама Линь Цинхэ и Чжоу Цинбай не были коротышками.

Чжоу Цинбай был выше метра восьмидесяти пяти. Линь Цинхэ была ростом около метра шестидесяти семидесяти. Дава унаследовал их гены, поэтому в настоящее время он был ростом примерно с девятилетнего ребенка.

У него так же появилась сила. Он часто участвовал в драках и ничуть не страдал.

<http://tl.rulate.ru/book/36775/1693070>